

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НРАВСТВЕННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОВЕСТИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЯН И ГРУЗИН)

Казнина Эка Юрьевна — аспирант кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им.А.И. Герцена; наб.р. Мойки, 48, Санкт-Петербург, Россия, 191186; e-mail: ekaznina@yandex.ru

РЕЗЮМЕ

В статье освещаются результаты корреляционного анализа между уровнем нравственной компетентности, измеряемым с помощью теста нравственной компетентности (МСТ) Г. Линда и утверждениями Опросника свойств и состояний совести (ОССС) В. Манерова на примере выборки из России и Грузии. В исследовании представлены четыре выборки: грузины до 25 лет, грузины старше 25 лет, русские до 25 лет, русские старше 25 лет. В ходе исследования были выявлены связи нравственной компетентности, религиозности, эмоциональных отношений в семье. Полученные результаты обнаружили значимые различия в уровне нравственной компетентности у представителей российской и грузинской культур, а также различные системы корреляционных связей. Так, наиболее высокий уровень нравственной компетентности был зафиксирован у российских студентов. Имело место значительное отличие в уровне нравственной компетентности у грузин до 25 лет и старше 25 лет. Можно предположить, что значительное увеличение нравственной компетенции у молодого поколения грузин относительно старшего может свидетельствовать о снижении уровня религиозности, возрастании нравственной рефлексии. Результаты проведённого анализа позволяют выдвинуть дополнительные гипотезы для исследования, они будут проверены на более крупной выборке. Полученные данные будут соотнесены с результатами опросника Ш. Шварца и дилеммами Л. Колберга.

Ключевые слова: нравственная компетентность, религиозность, свойства и состояния совести.

ВВЕДЕНИЕ

Середина XX века стала революционным временем для психологии. Человек стал рассматриваться как уникальный субъект с внутренним миром, дос-

тойным изучения, как волевой субъект, способный делать нравственный выбор и брать за него ответственность. Появился интерес к таким тонким и многогранным феноменам, как совесть и нравственность, появились попытки их изучить и измерить. Лоуренс Колберг был первым, кто заговорил об универсальности нравственных понятий вне зависимости от культурной принадлежности [18]. Он назвал десять общечеловеческих тем нравственности:

1. закон и правила;
2. совесть;
3. личная привязанность;
4. авторитет;
5. гражданские права;
6. справедливость как следствие договора и доверия;
7. наказание;
8. ценность человеческой жизни;
9. право на собственность и ценность этого права;
10. истина.

Колберг приводит пример всеобщего понимания ценности человеческой жизни. Так, кочевники, бросающие одного члена племени умирать для сохранения жизни остальных, не отличаются от европейцев, которые поступают схожим образом [22].

В отличие от некоторых своих последователей (Г. Линд, Е. Новак), Колберг считал, что обучение общеразделяемым ценностям происходит не прямым образом, а опосредованно: через институт семьи, правовую систему и экономику [22]. Следуя концепции Ж. Пиаже, Колберг говорил о стадийном развитии нравственного аппарата, наивысшим звеном которого является совесть.

Г. Линд выделяет нравственную ориентацию и нравственную компетенцию. Формирование нравственной ориентации происходит в раннем детстве, тогда как нравственной компетентности необходимо обучаться, её уровень падает при отсутствии обучения и практики [19].

На протяжении двух последних столетий всё громче звучит диалог между секулярным и религиозным направлениями. В 1960–1980-е годы в СССР

акцентировалась материалистическая классовая природа совести, её считали социокультурным историческим феноменом [9]. После переломного для всех стран постсоветского пространства периода, начавшегося в 1991 году, в России произошла попытка реабилитации теорий, близких к концепции В.С. Соловьёва, появилась христианская психология (Б.С. Братусь, Е.К. Веселова, В.С. Воейков и др.).

Автор статьи разделяет мнение А. Гусейнова о том, что мораль зависит от религии в том смысле, что взаимодействует с ней теснее, чем с другими формами культуры. У морали и религии есть общие точки пересечения. Для них характерна проблема смысла жизни человека.

Колберг считал, что религия не является необходимым и достаточным условием обоснования нравственности, однако предоставляет «содержание» для формальных структур стадий нравственного развития. Э. Волворк утверждает, что религия вносит свой вклад как в содержание, так и в форму нравственных суждений и предоставляет верующим дополнительные доводы в пользу рационально обоснованных этических принципов [22].

Гусейнов полагает, что возведение моральных норм к Богу в авраамических религиях является признанием того, что никто из людей не имеет исключительного права говорить от имени морали, что перед ней, перед моралью, как и перед Богом, все равны и что, следовательно, на каждом индивиду лежит бремя ответственности за следование тем нормам, которые определяют меру его человечности [4]. Следует добавить, что ответственность проявляется в возможности справляться с конфликтными ситуациями в режиме диалога, возможности поставить себя на место другого.

Линд, оппонент и последователь Колберга, называет нравственной компетентностью способность индивида справляться с конфликтными ситуациями, опираясь на универсальные принципы, путём размышления и обсуждения, а не путём насилия, обмана и применения власти [19]. В его тесте нравственной компетентности (МСТ) центральным показателем является C-SCORE, который указывает на то, насколько тестируемый опирается на нравственные нормы, а не просто соглашается с третьим мнением. Согласно Линду, нравственная компетентность является бессознательным когнитивным образованием, в то время как нравственная ориентация считается эмоциональным компонентом. Обеспечивает нравственную компетентность возможность встать на позицию другого, услышать противоположную точку зрения, а не отстаивать «единственно верное» мнение [20].

Можно предположить, что если с позиции религиозных представлений о природе совести она, являясь атрибутом человеческой природы, обладает той или иной степенью тождественности в различных культурах, то с позиции секулярных представлений происходит трансформация содержания природы нравственности, характеризующей прежде всего западную культуру. Справедливость той или иной концепции нуждается в эмпирическом подтверждении.

МЕТОДИКА И ВЫБОРКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Многообразие в понимании феномена нравственности, наблюдаемое в отечественной и западной философской и научной традиции в XX веке, обуславливает необходимость эмпирического исследования совести и нравственности в рамках межкультурного исследования с использованием как западно-европейских методик (ТМС Г. Линда, дилеммы Л. Колберга), так и российской методики (ОССС В. Манерова).

Эмпирической основой данной работы являются результаты сравнительного анализа данных по двум методикам: ОССС В. Манерова и ТМС Г. Линда.

Общая исследовательская выборка представлена 120 респондентами. Из них 65 грузин: 35 студентов гуманитарного профиля, 30 респондентов старше 25 лет с высшим образованием; 55 россиян: 38 респондентов старше 25 лет с высшим образованием, (2 респондента без такового), 15 студентов гуманитарного профиля в возрасте до 25 лет. По половому составу выборка уравновешенная.

Согласно концепции Г. Линда, МСТ направлен на измерение лежащей в подсознании нравственной ориентации и нравственной компетентности, выраженных в поведении индивида. Нравственная компетентность показывает возможность человека вести социальный диалог на сложные темы без позиции силы. Тест состоит из двух дилемм, каждая из которых подразумевает ответ на 12 вопросов по шкале от -4 до +4 по степени согласия. Уровень нравственной компетентности (C-SCORE) считается средним при показателях 20–22 единицы, низким — при 16 и меньше. Показатель в 40 единиц считается высоким, встречается крайне редко. Различие результатов считается значимым при расхождении в 5 единиц, отличие в 10 единиц считается большим.

ОССС В. Манерова призван выяснить представления о совести в различных областях её приложения, охватывая также область нравственных ориентаций. Данный опросник направлен на изучение системы представлений о совести и нравственности, которая включает в себя образ картины мира и бытия в нём, духовно-нравственные механизмы, ценности, смыслы, играющие значительную роль в жизнедеятельности человека. Опросник В. Манерова содержит 101 вопрос. Вариативность ответа на каждый вопрос фиксируется по шкале от 1 до 7, в зависимости от степени согласия [8].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

По результатам опроса с помощью МСТ уровень нравственной компетентности (C-SCORE) для всей грузинской выборки составил 11,78, а для всей российской — 22,91.

Уровень нравственной компетенции у старшего поколения грузинской выборки является наименьшим из четырёх представленных групп и составляет 7,62. У старшего поколения россиян получен уровень 21,4. У грузинских студентов уровень нравственной

компетентности составил 15,4. У российских студентов получено наивысшее значение C-SCORE — 26,9.

По результатам корреляционного анализа данных, объединяющих опросник ОССС и тест МСТ (102 переменные), получены следующие значимые коэффициенты корреляции. Для общей выборки ($n = 120$), были получены значимые отрицательные корреляции с пятью утверждениями опросника ОССС.

Показатель 21 («Я не способен причинить боль своим любимым и родным людям») отображает связи с семьёй. Можно предположить, что ориентация на бесконфликтные отношения в семье мешает быть компетентным в вопросах нравственности.

Показатель 25 («Я хорошо знаю заповеди Бога и стараюсь следовать им») связан с ориентацией на духовно-нравственные религиозные ценности, христианские предписания. Это подтверждает отрицательная корреляция догматической религиозности и нравственной компетентности. (Первоначально была установлена у студентов из Ирана последователями Линда Лупу и Саиди [21].)

Гусейнов также считает, что мораль должна быть независимой от религии или других детерминирующих её факторов, так как является одним из выражений автономии личности. Один признак морали неизменен во всех интерпретациях: мораль охватывает область индивидуально-ответственных суждений и действий — тех суждений и действий личности, совершение или несвершение которых находится целиком в её власти и которые в полной мере могут быть вменены ей либо в вину, либо в заслугу. Это не означает, что моральные действия беспричинны. Это свидетельствует лишь о том, что сознательно, целенаправленно действующий индивид является их последней причиной в том смысле, что они не могли бы состояться без его моральной санкции [4].

Значение показателей 46 («Многие высокие понятия о человеке придуманы для управления им») и 75 («Современный человек может добиться большего, потому что избавился от нравственных химер») оказались связанными со значением C-SCORE, что отражает автономную позицию, названную А. Маслоу одним из факторов зрелой личности. «Зрелую личность характеризуют устойчивые внутренние моральные нормы. Зрелая личность остро чувствует добро и зло: ориентирована на цели, а средства всегда им подчиняются» [10].

Отрицательная связь нравственной компетентности с показателем 80 («Я не отличаюсь особым стремлением к совершенству») может быть обусловлена избеганием морализаторства как антипода истинной морали.

Обнаружена ещё одна корреляционная зависимость: чем выше значение C-SCORE, тем выше значение показателя 22 («Ответственность за других — качество зрелой личности»). Данный показатель связан с социальной ответственностью индивида. При отдельной обработке результатов ОССС на вопросы об ответственности (например, «Ответственность за других — качество зрелой личности», «Моя жизнь не управляема мной и контролируется внешними факторами») грузинские респонденты не дали

определённого ответа, в то время как россияне продемонстрировали определённую и более высокую степень проявления локуса внутреннего контроля [9].

При рассмотрении результатов каждой группы респондентов представляется интересным факт отсутствия корреляций между значениями C-SCORE и показателями ОССС в группе российских студентов в возрасте до 25 лет. Возможно, это связано с тем, что, отвечая на дилеммы, они рассматривали их как задачи, без эмоциональной включенности. Можно также предположить отличное понимание нравственности. Следует отметить, что данная группа является самой малочисленной ($n = 15$), что могло сказаться на результате.

В группе российских респондентов старше 25 лет обнаружены следующие связи: чем выше значение C-SCORE, тем выше значения показателей 2 («Следование моральным запретам мешает самореализации человека») и 18 («Моя жизнь представляется мне крайне бессмысленной и бесцельной»). Результат можно объяснить, опираясь на мнение Ф. Перлза, который говорит о том, что преувеличенная работа «совести» может приводить к моральным срывам. Подчинение «совести» — это отождествление с жёсткими принципами, которые не работают и которым не всегда хватает гибкости [12]. Связь с показателем 18 можно объяснить отсутствием чётких внешних ориентиров, что подталкивает человека к поиску, даёт ему возможность шире посмотреть на вещи, чем в случае устоявшихся общественных норм.

В грузинской группе респондентов в возрасте до 25 лет высокое значение C-SCORE связано с высоким значением показателей 5 («Любовь и нравственность с трудом уживаются вместе»), 95 («Моя совесть больше напоминает впадающего в круглогодичную спячку зверька») и 96 («Сила, непреклонность и бестрашие перед судьбой — вот высшие качества и ценности личности»). В случае показателя 5 предпочтение отдаётся возможности когнитивного выбора при принятии решений без опоры на собственную привязанность. Показатель 95 подобен показателю 2. Возможно, нравственная компетенция связана со способностью принимать гибкое решение в зависимости от ситуации, не следовать заранее определённым принципам, которые не являются убеждениями. Связь с показателем 96 заставляет вспомнить о периоде формирования поколения до 25 лет при реформах М. Саакашвили, когда появилась свобода поступления в вуз без протекции, что было воспринято как вариант «социального лифта». Знание языка, умение работать на компьютере и высокие баллы давали возможность получить работу.

В грузинской группе респондентов старше 25 лет высокое значение C-SCORE связано с высоким значением показателя 10 («Я обнаружил отсутствие смысла и цели в жизни»). Поскольку 63 % данной выборки — это люди в возрасте от 40 до 63 лет включительно, можно предположить, что в силу низкого социального и экономического статуса, невозможности включиться в новые реалии, продиктованные временем, они, потеряв былые ориентиры, так и не обрели новые. Тем не менее сложившаяся неопре-

делённость дала им толчок к поиску новых ориентиров в опоре на себя. Данная позиция соотносима со значением показателя 25 старшего поколения российской выборки (67 % этой группы — люди старше 35 лет).

ВЫВОДЫ

В результате анализа средних значений C-SCORE у российской группы студентов было получено максимальное среднее значение нравственной компетентности. Возможным объяснением может являться снижение религиозности у людей молодого поколения, в то же время они обладают умением принять точку зрения оппонента в рамках равноправного диалога.

Для общей грузинской выборки получен невысокий уровень нравственной компетентности, выявлена отрицательная взаимосвязь между уровнем нравственной компетентности, ориентацией на семью и уровнем религиозности.

В грузинской группе респондентов старше 40 лет обнаружен самый низкий уровень нравственной компетентности, что, возможно, связано с кризисным состоянием утраты внешних ориентиров, сменой «гиперномии», свойственной авторитарным режимам, на состояние «аномии» (по Дюркгейму [17]), а также с 20-летним тяжёлым экономическим состоянием Грузии и сложностями адаптации старшего поколения к новым реалиям. Наименьший уровень нравственной компетентности старшего поколения грузин может быть связан с их высокой религиозностью. Фактор религиозности мог также оказать влияние на значение C-SCORE у грузинских студентов. Результаты опроса всех грузинских респондентов указывают на включённость эмоциональных факторов при осуществлении нравственного выбора. Выраженная ориентация на семью сочетается у грузин со снижением уровня нравственной компетентности [9].

Парадоксальный результат сравнительного анализа, указывающий на положительную корреляцию между ощущением бессмысленности жизни и нравственной компетентностью у россиян старше 25 лет, может найти объяснение в трактовке ими самого термина «нравственная компетентность». Вот что пишет М.И. Воловикова: «... в отличие от западных стран, где моральная и правовая социализация происходит в основном через подражание принятым в обществе нормам и законам, у нас в этом процессе наблюдается либо «застревание» на начальной стадии морального и правового развития, когда послушание обеспечивается с помощью страха наказания, либо отмечается обращение к высшему (по Л. Колбергу) уровню морально-правового развития, опирающемуся на высшие этические ценности» [3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты выявили значимые различия уровня нравственной компетентности у представителей российской и грузинской культур, а также различные системы корреляционных связей. Можно

предположить, что значительное увеличение нравственной компетентности у молодого поколения грузин, по сравнению со старшим поколением, может свидетельствовать о снижении уровня религиозности и возрастании нравственной рефлексии.

Результаты исследования, проведённого с помощью двух методик, позволяют выдвинуть дополнительные гипотезы, подтверждение которых можно попытаться получить на более крупной выборке. Полученные при опросе респондентов такой выборки данные будут соотнесены с результатами опросника Ш. Шварца и дилеммами Л. Колберга.

ССЫЛКИ

- [1]. Агапов В.С. Системное изучение Я-концепции субъекта в российской психологии // Акмеология. 2013. № 1. — С. 27–31.
- [2]. Агапов В.С., Мишина М.М. Психологическая концепция проявления интеллектуальной деятельности личности в разновозрастной студенческой среде // Акмеология. 2014. № 3(51). — С. 46–50.
- [3]. Воловикова М.И. К проблеме психологического исследования совести // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / А.Л. Журавлёв, А.В. Юрвич. — М.: Институт психологии РАН, 2011. — С. 71–85.
- [4]. Гусейнов А.А. Возможна ли мораль (нравственность), независимая от религии (Цифровая библиотека по философии) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001043/st000.shtml> (дата обращения 25.03.2016).
- [5]. Жигулин А.А. Средства формирования правового сознания личности // Акмеология. 2015. № 3(55). — С. 75–76.
- [6]. Казнина Э.Ю. Основания теории развития моральных суждений Л. Колберга // Проблемы и перспективы самореализации личности в современном многополярном мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, РУДН, 20 февраля 2015 г. — С. 185–190.
- [7]. Казнина Э.Ю. Развитие моральных суждений в процессе жизни (анализ межкультурных исследований) // Акмеология. 2015. № 2(54). — С. 61–68.
- [8]. Манеров В.Х. Психолого-педагогические аспекты духовно-нравственного развития современной молодёжи. // Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 17–18 ноября 2011 г. — С. 59–76. Псковский государственный университет, 2011 г. 368 с.
- [9]. Манеров В.Х., Казнина Э.Ю. Содержание транскультурного инварианта и культурно-специфических компонентов представлений о совести (при сравнении российских и грузинских студентов) // Материалы V Всероссийской конференции студентов, аспирантов, молодых учёных, посвященной актуальным проблемам человека в инновационных условиях современного образования и науки. — М., 2016.
- [10]. Маслоу А. Мотивация и личность / Пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. — СПб: Питер, 2016.
- [11]. Молоткова Е.М. Причины политического абсентизма молодёжи и пути его минимизации // Акмеология. 2014. № 2(50). — С. 75–79.
- [12]. Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. — М.: Смысл, 2000.

[13]. *Суркова Е.Г.* Сущность понятия «личностный рост» в современной психологии (системный подход) // *Акмеология*. 2014. № 3(51). — С. 58–66.

[14]. Этика: учебник для бакалавров. / А.А. Гусейнов, А.Г. Гаджикурбанов и др. М.: Юрайт, 2013.— 569 с.

[15]. *Юревич А.В.* // Социологические исследования, 2009. № 10 С. 70–79. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/419/979/1207/Urevich_8.pdf (дата обращения 01.08.2016).

[16]. *Flavell J.H., Miller P.H., Miller S.A.* Cognitive development. — NJ: Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1993.— 408 p.

[17]. *Kaznina E.* Influence of cultural and historical context on the moral competence in modern society (in terms of Georgia and Russia) / 10 International Symposium «Moral Competence: Speaking, Listening and Democracy», 2016. Aug. 4–5.

[18]. *Kohlberg L.* Consensus and Controversy // Essays in Honour of Lawrence Kohlberg / Eds. Modgil S. and Modgil C. — London: The Falmer Press, 1986.

[19]. *Lind G.* How to Teach Morality Promoting Deliberation and Discussion, Reducing Violence and Deceit. — Berlin: Logos Verlag, 2016.— 199 s.

[20]. *Lind G., Nowak E.* Kohlberg's unnoticed dilemma – The external assessment of internal moral competence? / In: B. Zizek, D. Garz, E. Nowak, eds. — Rotterdam: Sense Publisher, 2015. — pp. 139–154.

[21]. *Lupu I.* Moral competence and dogmatic religiosity / In: E. Nowak, D. Schrader & B. Zizek., Educating competencies for democracy. — Frankfurt am Mein: Peter Lang Verlag, 2013. — S. 379–390.

[22]. Moral Development, Moral Education, and Kohlberg / Ed. B. Munsey. — Birmingham, Alabama: Religious Education Press, 1980.

INTERCULTURAL FEATURES OF MORAL COMPETENCE IN THE CONTEXT OF CONCEPT OF CONSCIENCE (THROUGH THE EXAMPLE OF RUSSIANS AND GEORGIANS)

Eka Yu. Kaznina, postgraduate student of Human Psychology Department, A.I. Hertsen Pedagogical University of the Russian Federation; 48, nab. Moiki, St. Petersburg, 191189; email: ekaznina@yandex.ru

ABSTRACT

The article highlights the results of the correlation analysis between the levels of moral competence measured with the help of the MCT (Moral Competence Test) of G. Lind and statements of the Questionnaire of Properties and State of Conscience (QPSC) of V. Marenov through the example of series of results from Russia and Georgia. Four samples are presented in the study: Georgians up to 25 years, Georgians who are older than 25, Russians up to 25 years age and Russians who are older than 25. In the course of the study there were revealed the connections between the moral competence, religiousness, and emotional relations in the family. The obtained results discovered significant differences in the level of moral competence among the representatives of Russian

and Georgian cultures, as well as different systems of correlation. Thus, the highest level of moral competence was traced in the sample of Russian students. A significant difference was found in the level of moral competence in the generation of Georgians up to 25 and older than this age. It can be assumed that significant increase of moral competence among the younger generation of Georgians as compared with the older one could witness the decrease of the level of religiousness, and the increase of moral reflection. The results of the carried out analysis presented additional hypothesis for further study; they will be tested with regard to the bigger sample. The present data will be compared with the results of Sh. Schwartz Questionnaire and the L. Kohlberg dilemma.

Key words: moral competence, religiousness, properties and state of conscience.

REFERENCES

[1]. *Agapov V.S.* Sistemnoe izuchenie Ja-Koncepcii subjekta v Rossijskoj psihologii [System study of self-concept of the subject in the Russian psychology] // *Acmeology*. 2013. № 1. s. 27.

[2]. *Agapov V.S., Mishina M.M.* Psihologicheskaja koncepcija projavljenija intellektual'noj dejatel'nosti lichnosti v raznovozrastnoj studencheskoj srede [Psychological concept of the intellectual activity manifestation of the personality in a mixed-age student group]. *Akmeologija [Acmeology]*, 2014. № 3 (51), S. 46–50.

[3]. *Volovikova M.I.* K probleme psihologicheskogo issledovanija sovesti [On the problem of the psychological study of conscience] // *Psihologicheskie issledovanija duhovno-nravstvennyh problem / Zhuravlev A.L., Jurevich A.V.* — Moscow: Institut psihologii RAN, 2011. S. 71–85.

[4]. *Gusejnov A.A.* Vozmozhna li moral' (nравstvennost'), nezavisimaja ot religii (Cifrovaja biblioteka po filosofii). [Is morality possible, independent of religion?]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001043/st000.shtml> (accessed 25.03.2016).

[5]. *Zhigulin A.A.* Sredstva formirovanija pravovogo soznaniya lichnosti [Means formation of legal consciousness of the person] // *Acmeology*. 2015, № 3 (55). s. 75–76

[6]. *Kaznina E.Yu.* Razvitie moral'nyh suzhenij v processe zhizni (analiz mezhkul'turnyh issledovanij) [Moral judgment development in the process of life (analysis of intercultural research)] // *Akmeologija [Acmeology]*. 2015. № 2 (54). S. 61–68.

[7]. *Kaznina E.Yu.* Osnovanija teorii razvitiya moral'nyh suzhenij L.Kolberga [The grounds of L.Kohlberg moral judgment development theory] // *Problemy i perspektivy samo-realizacii lichnosti v sovremennom mnogopoljarnom mire: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [All-Russian scientific-practical conference]*. Moscow, RUDN, 20.02.2015. pp. 185–190.

[8]. *Manerov V.Kh.* Psihologo-pedagogicheskie aspekty duhovno-nravstvennogo razvitiya sovremennoj molodezhi. [Psychological and pedagogical aspects of the spiritual and moral development of the youth of today] // *Sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. 17–18 nojabrja 2011, Pskov State University, 2011. pp. 59–76.

- [9]. *Manerov V.Kh., Kaznina E.Yu.* Soderzhanie transkul'turnogo invarianta i kul'turno-spezificheskikh komponentov predstavlenij o sovesti (pri sravnenii rossijskikh i gruzinskih studentov). [The content of transcultural invariant and culturally-specific components notions of conscience (when comparing the Russian and Georgian students)] // *Materialy V Vserossijskoj konferencii studentov, aspirantov, molodyh uchenyh posvjashhjonnoj aktual'nym problemam cheloveka v innovacionnyh uslovijah sovremennogo obrazovanija i nauki.* Moscow, 2016.
- [10]. *Maslou A.* Motivacija i lichnost' [Motivation and personality] /Per.Gutman T., Muhina N. St.Petersburg: Piter, 2016.
- [11]. *Molotkova E.M.* Prichiny politicheskogo absentizma molodezhi i puti ego minimizacii. [The causes of political youth absentism and how to minimize it]. *Akmeologija [Acmeology]* 2014, № 2 (50). S. 75–79.
- [12]. *Perlz F.* Jego, golod i agressija [Ego, Hunger and Aggression]. Moscow: Smysl, 2000.
- [13]. *Surkova E.G.* Essence of the concept of personal growth in modern psychology (system approach) // *Acmeology.* 2014. № 3 (51). S. 58–66.
- [14]. *Jetika: uchebnik dlja bakalavrov (A. A. Gusejnov, A. G. Gadzhikurbanov i dr)* [Ethics: A Textbook for bachelors]; pod obshh. red. A. A. Gusejnova. Moscow: Izdatel'stvo Jurajt, 2013. P. 569. Serija: Bakalavr. Uglublennyj kurs.
- [15]. *Jurevich A.V.* Nravstvennye sostojanie sovremenno-go rossijskogo obshhestva [The moral state of modern Russian society] // *Sociologicheskie issledovanija [Sociological studies]*, № 10, Oktjabr' 2009, pp. 70–79. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/419/979/1207/Urevich_8.pdf (accessed 01.08.2016).
- [16]. *Flavell J.H., Miller P.H., Miller S.A.* Cognitive development. NJ: Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1993. 408 p.
- [17]. *Kaznina E.* Influence of cultural and historical context on the moral competence in modern society (in terms of Georgia and Russia)/10th International Symposium «Moral Competence: Speaking, Listening and Democracy», Aug. 4th to 5th, 2016. Konstanz.
- [18]. *Lawrence Kohlberg: Consensus and Controversy//Essays in Honour of Lawrence Kohlberg/ Eds. Modgil S. and Modgil C., — London: the Falmer Press, 1986.*
- [19]. *Lind G.* How to Teach Morality Promoting Deliberation and Discussion, Reducing Violence and Deceit / Berlin: Logos Verlag, 2016. 199 p.
- [20]. *Lind G., Nowak E.* Kohlberg's unnoticed dilemma –The external assessment of internal moral competence?/ In: B.Zizek, D.Garz, E.Nowak, eds., Rotterdam: Sense Publisher, 2015. pp.139–154.
- [21]. *Lupu I.* Moral competence and dogmatic religiosity/In: E.Nowak, D.Schrader & B.Zizek., eds, Educating competencies for democracy. Frankfurt am Mein: Peter Lang Verlag, 2013. S. 379–390.
- [22] *Moral Development, Moral Education, and Kohlberg/ Ed. B. Munsey.* Birmingham, Alabama: Religious Education Press, 1980.